

УДК 321.01 + 321.02 + 323.22 +  
+ 341.218 + 316.422+ 316.485.2

**Виктор Сергеевич Мартьянов**

кандидат политических наук, доцент,  
ученый секретарь  
Учреждения Российской академии наук  
Института философии и права  
Уральского отделения РАН  
г. Екатеринбург (343) 257-41-89  
martianovy@rambler.ru

## **ГОСУДАРСТВО И ГЕТЕРАРХИЯ: СУБЪЕКТЫ И ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ<sup>1</sup>**

Предмет статьи заключается в анализе способов изменений и оптимизации монополии современного государства на интеллектуальные нормы, институты и легитимное насилие через описание случаев, когда монополия в силу разных причин перестает действовать, либо действует не в полной мере, параллельно с другими регуляторами, либо действует с неожиданным результатом. С другой стороны рассматривается, как государства в своей истории пытаются преодолеть эти гетерархии и исключения, отграничивая или, наоборот, охватывая нерегулируемое пространство периферии – институциональное, интеллектуальное, географическое, меньшинства, «другого» – в порядке универсальной монополии многооставного «большого общества».

Монополия, государство, гетерархия, центр, периферия, легитимация политического режима, субъекты и факторы общественных изменений.

### **Гетерархия как условие легитимации политической монополии**

Государство можно представить как вид сложносоставной политической монополии, которая определяется как совокупность идейных догм и институциональных норм через многообразные исключения, суммируемые в «проклятой стороне вещей» (смысловой оборот введен Ж. Бодрийяром [2, с. 157-164]). Отсутствие доминирующей нормы приводит в реальной политике к войне различий, борьбе всех против всех, партикуляризму и дроблению больших политических форм. Монополия государства на мораль и легитимное

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-275.2009.6.

насилие выполняет важнейшую функцию стабилизации общества, поддержания неизменных правил игры, удерживающих от постоянного и конфликтного производства анархических альтернатив. Но стерильность внешнего мира и отсутствие вредных «вирусов» в свою очередь не являются абсолютным благом, поскольку лишают социальный организм готовности к отражению внутренних и внешних угроз и выработке искомого иммунитета. Что говорит о необходимости механизмов, которые позволяют альтернативным ценностям и порядкам сосуществовать с монополией, оставаясь в то же время исключением из нее.

В этом случае исключения являются не подрывом монополии, а самим ее условием, когда правило нуждается в определении через исключение, а всеобщее становится таковым лишь через преодоление особенного. Монополия государства пребывает в постоянном историческом процессе инкорпорации исключений, образующих основу реальной гетерархии в виде других ценностей, догм, норм, институтов как возможных источников легитимности государства.

В современном «большом обществе» всегда есть значительное теневое пространство, институциональные, нормативные, интеллектуальные лакуны, где государство в привычном виде монополии действует неэффективно, либо вовсе не действует. Более того, эти перманентные исключения как раз и обеспечивают стабильность и легитимность государства. Попытка государства установить тотальность монополии, оборачивается парадоксальным ростом того, что можно назвать «проклятой стороной вещей», которая неизбежно переносится внутрь самой монополии. Благой Катехон оборачивается порочным Вавилоном, а зло начинает гнездиться в самих вещах. Как, например, в свое время не исчезла конкуренция за власть в СССР – она была перенесена внутрь партии большевиков, дискуссии в которой стали в 1920-е гг. эрзацем публичной политики как таковой. Аналогичные тенденции развиваются и внутри нынешней российской политической системы с доминирующей партией [12, с. 12-22].

Борьба государства с «проклятой стороной вещей» есть извечная попытка устранить гетерархию, умножение которой ведет к революционной трансформации. Но, с другой стороны, государство может существовать, лишь избегая тотального регулирования «проклятой стороны» как обратной стороны легального порядка. Тотальное регулирование и определение границ легального-нелегального, дозволенного-недозволенного, нормального-ненормального строится на отрицании накапливающихся внешних и внутренних изменений во времени лишает нормотворцев и агентов государства возможностей для адаптации к меняющемуся миру.

Чтобы достичь искомого тождества с истиной, красотой и справедливостью, монополюльный субъект вынужден избавляться от

противоречий, то есть выбирать один из вариантов альтернатив в качестве привилегированного, а другие вытеснять. Эта неполнота, «половинчатость», неспособность к синтезу, создает пространство разрыва, где формируется параллельный мир, принимающий форму «политического другого», различного рода аномалий. Но выведенная за рамки государственного, политического и легитимного пространства социальная энергия никуда не исчезает. Накопленные, но не разрешенные конфликты усугубляются. «Проклятая сторона вещей» проявляется в чрезвычайных ситуациях, в которых и производится установление норм-патологий, и происходит их последующая дифференциация. В таких случаях выявляются основания и сам механизм различения, применяемый монополиями.

Нормы и институты государства начинают корректироваться, когда лежащие в их основе ценности утрачивают свой привилегированный статус, с помощью которого они легитимировали политику. Равенство сакральных ценностей профанному миру, то есть ситуация их реализации (овеществления) провоцирует ситуацию, где норма тождественна не-норме. Однозначность социального мира размывается, появляется развилка альтернативных возможностей. Как только возникает подобное равенство, в лишившейся «нормативных ценностей» политической системе сразу же начинает зреть ценностная альтернатива воплощенной в социальной реальности и политических институтах норме, взрывающая «естественный» политический порядок вещей рождением новых утопических ценностей и идеалов. Но черпаются новые ценности и идеалы главным образом в «проклятой стороне вещей», то есть во всем, что исторически подавлялось и вытеснялось.

Например, в области использования насилия – это хрестоматийное шмиттовское право введения особого положения, в котором не работают обычные законы. Кто им смог воспользоваться, тот и суверен, а его насилие и законы – легитимны. В области идеологии и законов – это право определения границ общественного (публичного), то есть сферы политики как таковой, правил и условий участия в ней. Любое государство само по себе всегда стремится раздвинуть границы публичного и общественного, сделать так, чтобы частная жизнь стала лишь продолжением общественной, объектом контроля и «заботы», что устраняет ее в качестве потенциального источника неопределенности, а следовательно опасности.

Но когда монополия пересекает невидимые моральные и легальные пределы, она автоматически взывает к социальной энергии, которая будет направлена на ее коррекцию и ослабление. С другой стороны, расширяя монополию, государство стремится запретить «зло» другим политическим акторам, но она никогда не может сделать этого в отношении себя. В этом ограничении, имеющем отношение к саморегулированию и самоограничению, заключается сла-

бость любой монополии, обуславливающая ее неизбежный крах или по крайней мере временную потерю легитимности и конкурентоспособности.

### **Географическая гетерархия: бегство от государства**

Одним из наиболее древних и простых (за исключением геноцида, войн, казней оппозиции) способов отвода негативной социальной энергии является разведение альтернативных источников власти и норм в географическом пространстве. В XVII–XIX вв. модернизирующаяся Европа избавилась от десятков миллионов лишних людей, колонизировавших практически весь остальной мир. История показывает, что многие колонии, образованные изгоями, впоследствии становились ядром будущих государств в Новом Свете. Запорожская Сечь, запечатленная Н. Гоголем, ушла в прошлое, но некоторые варианты, например географического отделения «неблагонадежных» от государства в 1930-е гг., описывает К. Леви-Стросс: «Однажды вечером мы остановились невдалеке от гаримпо (garimpo), колонии искателей алмазов. Эти люди делятся на две категории: авантюристов и беглецов; вторая группа более многочисленна, чем объясняется тот факт, что, однажды вступив в гаримпо, его уже трудно покинуть. Необходимость вооружаться объясняется не только частыми стычками между отрядами; это также средство, действенное и до сих пор, оградить гаримпо от вмешательства полиции. Таким образом, зона добычи алмазов становилась государством в государстве и часто находилась в состоянии открытой войны с легальной властью... Закон отряда соблюдается столь неукоснительно, что в центрах гаримпо, в трактире часто можно увидеть стол с лежащими на нем алмазами, временно оставленный без присмотра» [10, с. 263-265].

Но в настоящее время географический способ изоляции социального «инога» утратил свою эффективность. В результате современные монополии должны искать более изощренные способы подавления гетерархии. Мир перенаселен в целом, и лишь ядерное оружие не позволяет перенаселенному Югу вторгнуться в виде прямой экспансии в территориальное пространство Севера. Кроме того, «в глобальной деревне» современные коммуникации уничтожили пространство и время как существенные препятствия, способные возвести непреодолимую стену между монополией-государством и всем тем, что (и кто) ее подрывает.

Поэтому способами пространственного исключения неустойчивых элементов является либо высылка, либо апартеид. Более мягкая вариация – оттеснение подрывных элементов на периферию – остракизм, побуждение к эмиграции, ссылка в колонии, в провинцию, провоцирование ухода в подполье, в гетто. Но эта стратегия может об-

рести вид в выстраивании параллельного субгосударства в виде альтернативных социальных сетей – мафии, теневого производства, колоний единомышленников, экологических поселений и т.п.

### **Институциональная гетерархия: усложнение и имитация институтов**

Дифференцированные институты современного общества не могут опираться лишь на запреты, потому что государство, основанное на грубой силе и страхе, способно производить рабов, а не граждан. Все военные режимы и хунты подобного рода недолговечны, поскольку тесно связаны с персонами их породившими.

Для современных государств насилие есть крайнее средство. Здесь мы переходим от формальной легальности к легитимности, суть которой в разделении гражданами идей, которые лежат в основании законов и институтов. Это своего рода активное соучастие людей в монополии путем процедур всеобщих выборов, референдумов, участия в опросах общественного мнения, экспертных и гражданских дискуссий, выплаты налогов, службы в армии. Каждый формально становится миноритарным акционером политической монополии, а значит изначально может рассматриваться как лояльный субъект, заинтересованный в ее сохранении, хотя и имеющий право возмущаться мелкими недостатками.

Момент исторического перехода к подобной сложной монополии совпадает с циклом буржуазных революций и победным шествием принципов капитализма. Государство разотождествляется с монополией аристократии на власть, монарх перестает быть символом и источником легитимности. Далее происходит разотождествление государства и общества, когда первое из явлений метафизического порядка становится инструментом, а второе получает гражданское качество через всеобщность избирательного права.

В результате становится возможной современная (модернистская) политика в форме борьбы «больших идеологий», связанных с разбивкой общества на партии и классы. Каждая из этих систем ценностей претендует на утерянную универсальность, сознавая при этом свою обусловленность определенной позицией внутри социума. При этом связь идеологий с определенными группами общества позволяет им это общество интерпретировать, но не позволяет встать над обществом.

Основным итогом трансформации Старого Порядка становится конструкция представительной демократии и общественного договора, в рамках которой политическая монополия становится *ограниченной во времени*. Теперь это не более чем баланс сил, интересов, настроений, который может быть ненасильственно и легитимно изменен на очередных политических выборах [1, с. 15-40]. Подобное

пространство неопределенности становится одновременно источником и слабости государства, и его мощного адаптационного потенциала к меняющимся внешним условиям, и ключом к новой легитимности. В идеальной модели государство выглядит не чем-то внешним по отношению к малым общинам, а всего лишь институциональным продолжением и приложением большого общества: «Если в современном английском языке слова “state” и “nation” не только применяются как взаимозаменяемые, но и второе постепенно вытесняет первое, то в российской реальности “государство” и “народ” представляются не только несовпадающими, но и чуть ли не противоположными понятиями. О противоречиях между гражданином и государством говорится так, как будто бы граждане не суть часть государства, а чиновники давно уже перестали быть гражданами...» [8, с. 6].

Политическая модель монополии в виде представительной демократии связана с особым способом диалога с «проклятой стороной», когда «другой» – сопротивление, маргиналы, недовольные, «конструктивная оппозиция» – включается в демократический порядок в качестве контролируемого атрибута, необходимого для самоописания и целеполагания. Более того, гетерархия и «другой» часто симулируются, обнаруживаются там, где их по сути не должно быть (да и реально не существует). Так хулиганы становятся скинхедами (неонацистами), патриоты – фашистами, экологи – террористами, сексменьшинства оборачиваются борцами за права человека, любые бытовые явления легко обретают символическо-политический контекст.

Гетерархия подменяется внутренним порядком дифференциации монополии. Признание «другого» предполагает принятие «универсальных» правил, по которым происходит установление порядков отличий. Проблема в том, что гетерархия может быть эффективна, только если бросает монополии вызов, направленный на ее деструкцию в целом. Поэтому бесконечная дифференциация идеологий, партий, групп интересов в рамках нормативного дискурса капитализма и представительной демократии с их ценностями и сложными институтами является способом монополизации социального порядка, контролирования «проклятой стороны», приемом производства полезного «малого зла». Признавая неподвластность символов «другого» вне себя, большое общество начинает производить символически зло внутри себя, то есть у общества появляется способность к изменению и адаптации.

Здесь возникает новый вопрос: возможно ли в принципе естественное сосуществование монополии и ее противников, не связанное с попытками уничтожить их окончательно? Рассмотрим в качестве примера институциональные трансформации современного российского государства как все более неэффективной монополии.

Кризис России как государства-монополии ярко проявляется в умножении институтов. Неформальные институты, становятся паллиативами формальных, непубличные институты вытесняют публично-политические [13, с. 5-18]. Возникают особые институты, выполняющие не те или иные оговоренные законами функции, а призванные решать ситуативные проблемы: «Субституты – Госсовет и больше десятка консультативных советов при президенте, Совет безопасности, Общественная палата, полпреды президента в федеральных округах и их администрации, спецпредставители президента, общественные приемные и др. – не могут играть самостоятельной роли и служить каркасом политической системы, структурировать ее, обеспечивать стабильность. Это, скорее, приводные ремни, обеспечивающие президенту контроль над основными сферами жизни общества, но помимо президента не имеющие практически никакого смысла» [16, с. 93-104]. О проблеме умножения политических парainститутов в России писали и другие исследователи [7, с. 56-67].

Во главе с Общественной палатой РФ создается «правильное» гражданское общество. Постепенно с помощью грантов «приручается» сектор некоммерческих организаций. В виде филиалов партии власти формируется «конструктивная» оппозиция. Ужесточается политическое законодательство. Контролируются масс-медиа. Формальные выборы и контролируемые властью соцопросы показывают высокий уровень легитимности политического режима. Но гетерархия вопреки наблюдаемой унификации не исчезает. Реальная политика вытесняется в непрозрачные, неконтролируемые, маргинальные сферы, трансформируя и свертывая технологически слишком сложный институт представительной демократии к неким более простым и привычным моделям удержания господства. Эти модели влекут умножение «проклятой стороны», поскольку представлены системой прямых запретов, ограничений и исключений, а не стратегией открытого управления гетерархией в публичной сфере.

Получается, что переиграть властные элиты и государство можно лишь по правилам, которые они не контролируют. То есть вне формальных законов. Поэтому в обществе нарастает скрытая гетерархия как двойные системы отсчетов ценностей (двоемыслие), парainституты. Аналогичные трансформации переживают и властно-политические институты, превращаясь в способ неограниченной монополизации столь привычной для России «властесобственности». Вместо конкуренции и в политике, и в экономике создается система федеральных и региональных властных и бизнес монополий, вместо эффективности рынка осуществляется его «ручное управление».

«Творческое» переосмысление новых институтов политическими элитами привело к их негативной трансформации. Институты стали выполнять не идеальные, а замещающие функции. При этом для поддержки монополии плохие и параллельные институты всегда

лучше, чем их отсутствие, но без идейной легитимации их блага и незаменимости любые институты бесполезны. Для этого требуется нечто большее, то, что сакрализует политические институты, заставляет в них верить по-настоящему.

Основные сложности, препятствующие эффективности новых политических институтов связаны с явными трудностями их морального и интеллектуального обоснования. В результате в политической системе обнаруживается отсутствие самой основы институционального каркаса – внятного легитимирующего проекта, который ориентирует население на существующие формальные институты, а элиты на служение обществу.

В результате вместо лояльности и поддержания в собственных же интересах формальных институтов монополии граждане в своей массе предпочитают решать проблемы неформально, в обход институтов. Согласно негласным нормам никто не «стучит» на преступающих законы, не жалуется на нарушения. В обществе действует такая же омерта (закон молчания), как на Сицилии, не говоря о коррупции, взятках и подарках, с помощью которых преодолеваются формальные нормы и санкции: «У англосаксов и немцев люди помогают государству, легко сотрудничают с полицией и доносят на все нарушения, которые замечают. В Сицилии и у нас в России доносчиков презирают, как предателей» [3, с. 49].

Таким образом, конвенциональность монополии в разных обществах сильно отличается. Если в современной Европе установлена высокая степень конвенциональности по поводу институтов государства и практик их поддержания, то на периферии на модернистские структуры государства накладываются горизонтальные практики традиционного общества, для которого любое соприкосновение с государством и его агентами расценивается как нежелательное, а государство предстает как неизбежное и неустранимое социальное зло. Поэтому любые гетерархические структуры, параллельные государству, до сих пор воспринимаются как более результативные, гуманные, очеловеченные, а государство часто – последнее место, куда люди обращаются со своими проблемами, когда все иные возможности уже исчерпаны.

Все это свидетельствует о глубоком недоверии к формальным институтам государственной монополии в сложившихся клише массового сознания – суду («действующие органы власти всегда правы»), правоохранителям («от тюрьмы и от сумы»), депутатам («любят только свои интересы»), выборам («победители распределены заранее»), политическим правам и свободам («их невозможно реализовать, от нас ничего не зависит») и т.д. Результат один – усиление гетерархии, когда сохраняется мощь параллельного теневого государства «властесобственности», парагосударственных «сетей доверия», кланово-мафиозных структур.



### **Интеллектуальная гетерархия: война за нормы**

Государство как монополия имеет в своей основе систему ценностей, правил и ограничений. Проблема в том, что ни одна ценность не может находиться «естественным образом» в привилегированном положении, поскольку все они логически уязвимы в качестве монопольных норм, предлагающих образцы должного, будь то ценности рациональности, эгоизма, коллективизма, чести, здравый смысл, «воля к власти», та или иная вера, традиция и т.д. Ни одна из этих ценностей формально не может быть мерилем для других, поскольку все они являются ограничениями и императивами, разделяемыми людьми «здесь и сейчас» и действующими только в силу данных оснований, а не в силу их вневременной истинности.

Постоянная трансформация обществ приводит к тому, что любые нормы подвергаются перманентной коррекции, а самоочевидные ранее запреты (например христианский запрет на ссудный процент или прелюбодеяния) перестают выполняться в новых общественных практиках и соответственно теряют силу те законы, которые были призваны их поддерживать. Если закон нарушается большинством, значит, он более не соответствует общественной морали и нуждается в коррекции или отмене. И государство, и общество являются собой площадку исторической борьбы ценностей, которые время от времени уступают друг другу место «господствующей общественной нормы». И выявить сферу всеобщего интереса, которая выходит за пределы частных, частных пространств людей, можно только посредством общественных дискуссий и конфликтов.

В идейном основании любого государства гетерархия оформлена в виде целого ряда бинарных оппозиций, которые сводятся к одной: норма/не-норма. И норма-монополия не может существовать без питающего ее пространства ненормальности. Норма выступает как самотождественное, тавтологическое, самоочевидное знание, связанное с привилегией монополии на прерывание общественных дискуссий и определение доминирующих политических истин. Соответственно не-норма проявляется как «объект умолчания», «свой иной», как патологическое, ложное, подавляемое содержание, за счет которого, тем не менее, и оформляется привилегия нормы. Любые альтернативы трактуются субъектом монополии как анти-норма.

Дискурс нормы всегда принадлежит правящей элите, его задачи связаны не только с онтологическим оправданием и легитимацией действующей власти, но и с «профилактикой» утопических вызовов, грозящих взорвать сложившееся статус-кво. Монополия обычно приручает, адаптирует и нейтрализует «потенциального другого», скорее, чем он сможет составить ей действительную альтернативу.

Рассмотрим в качестве конкретного примера борьбы с ценностной гетерархией попытки формализовать в российском правовом поле политический экстремизм. Они связаны с принятием, интерпретацией и правоприменительной практикой Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (с последующими изменениями). Этот закон был призван установить монополию государства на определение области «политического экстремизма». В реальности вместо легитимных и эффективных способов профилактики всего того, что подрывает и опровергает монополию российского государства (а конкретнее – нынешний политический режим) и в силу этого трактуется как экстремизм, произошло умножение юридических сущностей. Что не столько укрепило, сколько подорвало легитимность монополии государства на борьбу с экстремизмом, так как новый закон вошел в потенциальное противоречие с теми правами и возможностями, которые то же государство ранее гарантировало своим гражданам другими законами и прежде всего Конституцией.

Борьба с экстремизмом выполняет две важнейшие функции. Во-первых, она призвана проявлять на конкретных примерах «борьбы» моральную, ценностную монополию государства и всех тех, кто действует от его имени. Во-вторых, она проводит основополагающие политические границы: легального/нелегального, закона/насилия, морального/аморального. То есть легитимирует действующий политический проект, одновременно выводя за пределы политического поля все то, что угрожает его дальнейшему существованию.

Таким образом, первый краугольный камень в определении экстремизма – это определение границ и форм политического насилия и его субъектов, которые являются легитимными и приемлемыми с позиций негласного общественного договора и тех, кто такими быть не может. Эта граница всегда относительна и подвижна в перспективе различных моральных, социальных и исторических позиций. Исторически реализация прав и свобод угнетенного, бесправного человека часто осуществлялась с помощью насилия, но это насилие имело нравственную легитимность и историческое оправдание, так как восстанавливало для значительной части населения всеобщие основы человеческих прав и свобод. Суть экстремистского насилия связана с деуниверсализацией принципов, лежащих в основании монополии на легитимное насилие. Если первая шкала в классификации экстремизма связана с критериями разделения легитимного и нелегитимного насилия, то вторая представляет собой необходимость разделения публичной (общественной) и частной (приватной) сфер жизни. Представляется, что сфера современной государственной монополии норм совпадает с областью публичного и общественного. Таким образом, экстремизм можно определить как нелегитимное насилие, осуществляемое в публичной (политической) сфере и подрывающее монополию государства.

Экстремизм, сколь бы вымышлены не были его практические угрозы, составляет наибольшую ценностную угрозу государству, поскольку является отрицанием его монополии и призывом-действием к немедленному насильственному изменению государства, либо его отмене. Экстремизм возникает именно тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в «экстремизм действия» – террор, гражданскую войну, насилие, геноцид, этноцид, нарушение прав и свобод человека и прочие формы борьбы с монополией.

Дело в том, что государство не может бороться с теми, кто готов умереть во имя неких целей. Любые посторонние общественные институции могут требовать от человека многое, но не его жизнь, иначе монополия просто рухнет, когда людям станет нечего терять. И люди готовые умереть за надежду, за *«иное будущее»* выходят за грань действующих оснований законов и морали. Когда люди готовы отдать жизнь за свои убеждения, любые общественные конвенции для них перестают действовать. Поэтому террористы как нарушители негласной конвенции приобретают воистину дьявольскую эффективность в сравнении с машиной государства, скованной гуманистической моралью, судами и законами.

Основная проблема заключается в том, что нравственная противоположность действующей власти и экстремистов часто стирается, так как границы возможного, приемлемого и табуированного являются легитимными лишь тогда, когда устанавливаются в результате гласных общественных дискуссий, а не в одностороннем порядке, теми или иными нормативными актами. Отсутствие общественного обсуждения критериев запрета тех или иных организаций и произведений культуры (музыки, фильмов, текстов, изображений), изменение этих критериев, их двусмысленность, а тем более избирательность, могут привести лишь к одному результату – борцы с терроризмом и экстремизмом сами становятся неотличимы от террористов. А легитимное насилие вместо поддержания законов, общественных установлений и институтов становится кошмарной и повсеместной практикой моральной дискредитации действующего политического режима. Монополия морально упраздняет сама себя.

Некоторые вещи не поддаются регулированию, в противном случае государства не эволюционировали бы в качестве все более изоощренных и сложных монополий. Монополия государства на легальное насилие, распространяемая на некие амбивалентные ценности, символы и смыслы, превращается в свою противоположность. Из гарантии безопасности, широких прав и свобод (а только в качестве таковой подобную монополию на насилие в современном обществе можно терпеть и легитимировать) монополия на насилие превращается в монополию на нечто другое – определение добра и зла. Контроль над «проклятой стороной» фактически превращается

в повод контроля над обществом в целом. В этом смысле, экстремизм является лакмусовой бумагой, разрушителем границ монопольного нормативного поля, практикой, намечающей пределы этой «универсальной шкалы» извне.

Например, преступный с позиций государства произвол может быть оценен оппозицией и восходящими классами как революционная практика освобождения. Нелегальная в аспекте существующих «разумных норм» практика может быть одновременно легитимна в перспективе мировоззрения социальных слоев и классов, чьи интересы не могут быть реализованы иначе как путем изменения общества, долговременных конвенций и ограничений в виде морали, прав, свобод и обязанностей граждан.

Таким образом, гетерархия большого общества никогда полностью не устранима, являясь одним из его «теневых» фундаментальных оснований. Она может выражать неприятие как решений отдельных должностных лиц, так и фундаментальное неприятие общественных законов, практик, институтов, социально-политического устройства в целом. Гетерархия является чутким индикатором расхождения легального и легитимного, действительного и возможного в сложившейся организации общества. Она является одним из механизмов саморазвития демократических государств, включая в себя критическую рефлексию оснований действующего политического режима, сводов законов и обычаев и в этом смысле она служит самым условием возможности отстаивания своих интересов гражданами и их коллективами перед лицом государства.

### **Особенности российской гетерархии**

В обществе современности-модерна внешние ограничения государства-монополии сводятся к минимуму. Фактически здесь легально может действовать только самоцензура. Модель большого общества основана на проекте Просвещения, по словам Канта, дает каждому взрослому гражданину возможность интеллектуальной автономии, право пользоваться собственным разумом для вынесения любых своих суждений и аргументации любых своих поступков, что плохо согласуется с внешней цензурой [9, с. 25-36]. Для этого от человека требуется определенное мужество и смелость, поскольку подобная свобода снимает ответственность за поведение человека с любых внешних регулятивных инстанций, будь то государство, традиция, социальный класс, семья, коллектив и т.п. Эта свобода имеет оборотной стороной долг нести личную ответственность за все сказанное и сделанное. Однако общество никогда не устроит полная саморегуляция, поскольку интересы и права отдельных людей имеют свойство пересекаться, а для разрешения конфликтов нужен посредник, хранящий нормы, то есть государство.

Современные многосоставные, плюралистичные, урбанистические общества уже невозможно без их насильственной деградации свести к традиционной одномерности, когда одно вероучение или система ценностей способна объединить абсолютное большинство. Это возможно лишь в случае, когда народное мнение никто из культуртрегеров и прогрессоров спрашивать не будет. Однако подобное ограничение и «регуляция» гетерархии могут иметь лишь единственный эффект – расширение пространства произвола тех, кто возложил на себя от имени различных воображаемых конструкций и коллективных общностей (государство, мораль, бог, истина, пролетариат, «нормальные люди») монополию на определение политической нормы и патологии.

Возникает резонный вопрос – а судьи кто? Факт занятия неких государственных, властных постов вовсе не делает их легитимными «прогрессорами» в отношении всех остальных. Моральные основания монополии не самоочевидны. Поскольку в мультикультурном и мультikonфессиональном все ценности имеют право на существование, в том числе если они кому-то и не нравятся. Поэтому в современном секулярном мире любые внешние ограничения, адресованные взрослым людям и исходящие от государства, церкви или иной корпорации, все чаще встречают обоснованное сопротивление, так как представляют собой попытку превратить рационально мыслящего и самостоятельного индивида в ребенка, якобы не способного отвечать за свои действия и нуждающегося в «опекунах».

В индивидуализированном обществе человек будет действовать скорее вопреки внешним запретам, отстаивая пространство своей привычной свободы и солидаризируясь с теми, чью свободу пытаются поставить под сомнение путем низведения в искусственному состоянию детской неправоеспособности. Безусловно, искушение монополии всегда состоит в том, чтобы вместо аргументации, дискуссии, диалога с реальными или воображаемыми оппонентами просто запрещать, сажать, ограничивать всех тех, чьи убеждения и действия не вписываются в господствующие идеологические представления и нормы. Но эффективность подобной простоты лишь кажущаяся. В ее основе часто лежит бессилие вертикального классово-индустриального государства перед сетевым, мобильным и все менее связанным национальными границами обществом, неспособность государства отстаивать свою правоту в интеллектуальном поле.

Поэтому наблюдаемая ныне правотворческая агрессия российского государства в области определения экстремизма, регулирования выборов и информационной повестки, которая исходит из презумпции виновности граждан, ведет лишь к обратному результату. Искусственное отсечение «проклятой стороны», любые ограничения будут тут же восполнены с лихвой параллельными и неформальными каналами информации. Таким образом, государство как монопо-

лия стремительно сокращается, а легитимность способов прямого регулирования в тех или иных сферах общественной жизни падает.

Когда-то оправдание подобного регулирования строилось на великих целях, требующих жертв и самоограничительной аскезы, будь то война, соперничество с другими странами, модернизация, построение коммунизма и т.п. В современном мире подобное алиби государства воспринимается как неудачное оправдание чьих-то корпоративных интересов. Великие цели и «гранд нарративы» по сути нужны в нынешнем мире лишь тем, кто оказывается лишним в «индивидуализирующемся», сетевом обществе – это раздутые аппараты федеральной и региональной бюрократии, спецслужбы, армия, МВД, госмонополии и пр. Поскольку в саморегулирующемся и девертикализованном урбанистическом обществе они теряют функциональное алиби, легитимность и право на само свое существование за общественный счет в нынешнем виде.

В результате лояльность перестает быть одним из факторов удержания монополии, поскольку должна скрепляться не только удовлетворением текущих потребностей и обеспечением относительно комфортных условий жизнедеятельности граждан, но и некой сверхидеей, которая легитимирует насилие государства и обеспечивает консолидацию общих ценностей и идеалов. Тем не менее, нации-государства все еще остаются ключевыми монополиями мировой политики, сколь бы активно их легитимность не подтачивали транснациональные корпорации и мультикультуралистские теории. С позиций социальной диагностики скорее можно говорить об усилении «неодновременности» современных обществ, «гетерархии» государств и увеличения вызовов легитимности, стоящих перед нациями в условиях общей транснационализации политического.

В России сегодня гетерархия, безусловно, растет. И причиной тому – именно методы ее подавления, а не преодоления. Ее фундамент проявляется в имущественном расслоении; образовательном и статусном неравенстве; региональных различиях; конфликтах поколений, социальных и этнических групп, проживающих в урбанистических и неурбанистических культурных ландшафтах, граница между которыми является фронтиром прошлого и будущего, синтезировать которые в настоящем становится все сложнее.

В 2000-е гг. эволюция государственных институтов и их легитимирующих оснований в России двигалась в направлении все большей унификации политического пространства. Однако чем дальше, тем больше централизация и построение функциональных вертикалей власти выполняли функцию алиби для свертывания конкурентной и непредсказуемой публичной политики. Контроль над основными СМИ способствовал перемещению общественных дискуссий в более маргинальные пространства (Интернет, круглые столы, экспертные клубы и т.п.).

Все это возвращает государство и методы его управления к классическому «советскому Модерну». Но данный исторический этап российское общество окончательно преодолело в ходе урбанизации, перестройки и последующих институциональных трансформаций, доказав, что возврат в историю невозможен, а государственные и общественные идеологемы и структуры классического Модерна будут работать все хуже [11]. К аналогичным выводам приходит и известный социолог Б. Дубин, обобщающий результаты социально-политических изменений постсоветского периода: «Ни одна из основных проблем постсоветского социума – строительство современных институтов, нормализация процессов воспроизводства общества и систем его управления, интеграция страны в большой мир – не только не решены всерьез, но и отодвинуты даже их постановка и обсуждение» [5, с. 6]. Соответственно наблюдаемые в 1990–2000 гг. процессы изменения постсоветского государства описываются как «упразднение или кардинальная трансформация собственно современных институтов ... возвращение и нарастание имперских, ностальгически или остаточно великодержавных моментов в системах *коллективной идентификации* [курсив – Б.Д.] российского населения – мифов об «особом пути» страны, изоляционистских установок в отношении Запада, реакций отторжения и агрессии по адресу этнических «чужаков». Это процессы нарастающей неотрадиционализации социума... воскрешение в массовом сознании мифологии силовых институтов и авторитарных систем (армии, тайной полиции)» [5, с. 7].

Более того, как утверждает социолог Л. Гудков: «Поскольку центральные институты в России, поддерживающие символику и семантику всего социального целого, – это институты государственной власти, вооруженных сил, “органов”, то “насилие”, “агрессия” превращаются в доминантные коды социальной организации населения. Где действуют нормы демонстративного насилия, там вытесняются проблематика и сам язык “понимания”» [4, с. 8-32].

Соответственно наблюдаемое функциональное упрощение оказалось эффективно только во «внутренней реальности» самой власти, способом преодоления ее собственной гетерархии в виде усмирения региональных элит, формирования механизма «преемничества», обеспечения парламентского большинства, устранения из «большой политики» независимых и несистемных игроков, коррекции выборного законодательства и т.п. Но общая гетерархия расколотого постсоветского общества вовсе не уменьшилась. Наоборот, поскольку общество имеет все меньше механизмов для заявления своих ценностей, целей и требований, происходит деградация системы обратной связи, самонастройки государства и общества. Если воспользоваться биологическими аналогиями, государство начинает испытывать явные трудности с приспособлением к внешней среде системы. Чем активней государство изживает «зло» гетерархии в

пользу монопольного «добра», тем более опасные и неизлечимые формы начинает принимать «проклятая сторона», угрожая, разрушить доминирующую монополию не изнутри, а извне (где, собственно, и оказывается все вытесняемое и исключаемое).

Монополия российского государства меняется в сторону воспроизводства и симуляции когда-то бывших эффективными исторических институтов, в направлении «неотрадиционализации», в то время как все более «индивидуализированное» российское общество меняется по направлению к будущему, которое не имеет аналогов в прошлом и настоящем, а следовательно требует не аналогий и применения отработанных временем рецептов и институтов, а творческого изобретения новых механизмов регуляции, основанных на более универсальных и эгалитарных основаниях, отсылающих не столько к пространству исторически и культурно сложившихся национальных политий, сколько к глобальному миру.

\* \* \*

В России последних десятилетий фундаментально изменяется социальная структура общества, требующая иных целей, институтов и способов организации общества и принципов публичного пространства. Растет влияние мегаполисов и городского населения, все больше людей получают высшее образование. Расширяется количество занятых в сфере услуг и креатива, а не поточного производства. Все это в виде превалирующей концепции потребительского общества приходит на смену классическому классово-индустриально-идеологическому обществу Модерна. Вместо классов возникают «группы населения». Вместо уровня участия в системе производства основным критерием социальной стратификации становится уровень потребления. Вместо идеологий – прагматизм, представляющий отказ от открытой конкурентной политики, вместо партий – лоббистские структуры, исчезающие, как только их разовая функция выполнена или провалена.

В условиях ослабления национальных государств, различные меньшинства все успешнее борются за изменение своего положения внутри общества, не будучи способны изменить его в целом. Усиливающаяся неразрешимость конфликтов групповых интересов, когда потеряны механизмы их вывода на государственно-политический уровень, наносит удар по легитимности государства, вере в его способность руководствоваться всеобщими интересами. В результате в обществе доминируют институты неформальные, непрозрачные и непубличные. Привычные институты становятся лишь придатками и продолжениями неформальных институтов и практик, пригодными только для оформления уже принятых решений.

В настоящее время, критерием роста гетерархии в России служит то показательное обстоятельство, что открытие доминирующим культурным кодом «проклятой стороны» то в одной, то в другой



сфере (идеология, культура, экономика, география, климат) оказывается столь неожиданным и болезненным для нормативного сознания властной элиты, что оно уже не прикладывает естественных для монополии усилий, направленных на включение «иного» во внутреннее содержание системы. «Другое» впервые предстает как абсолютно иное, не только не включаемое в систему, но даже не вступающее в коммуникацию с ней. В результате единственный вариант, видимый элитами, это подавление или отстранение от элементов и признаков гетерархии. Это проекты различных изоляций в виде автаркий [15], «острова Россия» [17, с. 6-23], сохранения кода православной цивилизации [14], «удержания» сакральной географии евразийской державы [6]. Логика всех подобных проектов проста – Россия может противостоять гетерархии только путем приобретающего для нее самоценный характер удержания от варваризации и апокалипсиса. Поэтому все в мире может меняться, кроме России, для которой изменения пагубны, так как она выполняет незаменимую миссию – удержание равновесия глобального мира.

В современной России вновь сформировалась политическая система, где один центр силы – Кремль – может подавить все вместе взятые остальные центры (регионалов, гражданское общество, «третий сектор», крупные ФПП) силовым путем. Поэтому формирование общих формальных и публичных правил игры в российской политике оказалось затруднено. Присущее демократиям искусство компромисса рождается тогда, когда сложносоставное государство формируют несколько равных по своим возможностям центров силы, неизбежно приходящих к выводу, что «война всех против всех» бессмысленна. В результате начинается совместная выработка сценариев, институтов, правил, которые могли бы обезопасить от возможного политического произвола, «игры не по правилам» всех реальных политических субъектов, будь то партии, бизнес, армия, население в целом.

Таков был путь многих европейских стран, но не нынешней России, где государство последовательно трансформировало все элементы и институты, генерирующие пространство неопределенности. «Процессы модернизации в России блокируются центральными, символическими институтами социальной системы, режимом власти. В этом смысле надежды на авторитарный вариант модернизации безосновательны, поскольку латентные функции этих институтов заключаются в систематической девальвации ценностей и подавлении механизмов, могущих инициировать появление более сложных форм социальной организации. Дефицит ценностей компенсируется архаическими и простыми формами регуляции – обрядово-верием, имитирующим веру, традиционалистскими ритуалами, фобиями, предрассудками, мифами, санкционирующими те или иные социальные практики. Стерилизации подвергается главный

принцип модерности – формирование автономной субъективности... Сегодня мало кто из «элиты» (включая и культурную) готов или хочет, как раньше, идентифицировать себя с защитой бедных и обиженных, нести просвещение, выполнять функции представительства народа перед властью, говорить о своей совестливости, сочувствии, о «добром сердце» и прочем. Эти игры кончились» [4, с. 30].

В области интеллектуального и морального доминирования следует признать, что отечественные элиты постсоветского периода не имеют морального авторитета, который не стоит путать с популярностью. Поэтому невзирая на то, что они заняли верхние позиции в социальной иерархии общества, их реальная легитимность чрезвычайно низка. То же правило транслируется на действующие институты. Элиты, олицетворяющие государство, в постсоветский период не сделали ничего, что могло бы укрепить легитимность, моральный авторитет и «естественное право» находиться там, где они находятся. В результате актуальные институты без опоры на моральный авторитет постепенно деградируют и мутируют, поскольку могут опираться только на угрозу насилия, произвол, административный ресурс. И терпение большинством общественного порядка, на изменение которого они почти не могут повлиять, еще не значит его действительного приятия, то есть легитимности. Общество молчит, но молчание это обманчиво. На самом деле оно все менее предсказуемо в своей кажущейся «имплозии». И это может сыграть злую шутку с политическими элитами.

Российское общество все больше нуждается в консолидации посредством новых институтов, легитимирующих утопий и проектов. И формирование общества будущего, ценностей и принципов управления им часто осуществляется не через возможности и услуги, предоставляемые «неотрадиционалистским государством», а через отказ от них, автономию от государства, производство гетерархии. Отказ от переоцененных благ актуального государства и нарастающая дисфункция ценностей и институтов, воспроизводящих монополию российского государства, становится отказом от самого государства, по крайней мере в данном виде, и одновременно условием, способным что-то изменить в актуальном обществе.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анкерсмит Ф. Репрезентативная демократия. Эстетический подход к конфликту и компромиссу // Логос, 2004. № 2. С. 15-40.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 217 с.
3. Буровский А. Облик грядущего (системное исследование будущего). М.; Красноярск: АСТ; АБУ, 2007. 240 с.

4. *Гудков Л.Д.* Общество с ограниченной вмняемостью // Вестник общественного мнения, 2008. № 1. С. 8-32.
5. *Дубин Б.* Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 408 с.
6. *Дугин А.* Апология национализма // Консервативная революция. М., 1993.
7. *Иванов А.Ф., Устименко С.В.* Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // Полис, 2007. № 5. С. 56-67.
8. *Иноземцев В.Л.* Вверх по лестнице, ведущей вниз // *Le Mond diplomatique* (русское издание). Февраль 2007. № 8. С. 1-7.
9. *Кант И.* Сочинения. В 6 т. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 6.
10. *Леви-Стросс К.* Печальные тропики. М.: АСТ; Инициатива, 1999. 576 с.
11. *Мартьянов В.* (а) Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 344 с.
12. *Мартьянов В.* (б) Многопартийная партия власти // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре, 2007. № 3(53). С. 12-22.
13. *Мартьянов В.С.* Падение публичной политики в России // Свободная мысль, 2006. № 5. С. 5-18.
14. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
15. *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. М.: Крымский мост-9Д, 2005. 416 с.
16. *Петров Н.* Субституты институтов // Отечественные записки, 2007. № 6. С. 93-104.
17. *Цымбурский В.* Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис, 1993. № 5. С. 6-23.

## RESUME

**Victor Sergeevich Martyanov**, Candidate of political science, associate professor, Scientific Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343)257-41-89 martianovy@rambler.ru

### The state and heterarchy: actors and factors of social change

The article focuses on analysis of the ways of optimization of the state monopoly on intellectual norms, institutions, legal violence. The author studies the cases when such monopoly starts to be ineffective, or co-exists with alternative regulatory systems, or produces unexpected results. Attention is given to the analysis of the state efforts to overcome heterarchies and excluded components of sociality by restricting them, by incorporating uncontrolled institutional, intellectual, geographical spaces, partial societies into a universal monopoly of a “great society”.

Monopoly, state, heterarchy, centre, periphery, legitimating of the political regime, actors and factors of social transformation.

Материал поступил в редколлегию 13.07.2009 г.